
ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ПРЕДЕЛЫ ЭКСТРАКТИВНОЙ МОДЕЛИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ*

Ананьина Д. А.**

Статья посвящена проблеме непропорционального развития периферийных регионов России и Китая на примере Забайкальского края и автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ). Методологической рамкой представленного обзора выбран сравнительный анализ статистических данных и программных документов двух регионов. Проанализированы модели пространственного развития нецентральных регионов обеих стран. В качестве индикаторов использовались показатели научно-инновационной активности, уровень инвестиций в НИОКР, а также эффективность НИОКР в обоих регионах. Забайкальский край и АРВМ имеют общую протяженную сухопутную границу, одинаковые природно-климатические условия, однако при компаративистском анализе инновационной активности выявляются существенные отличия. В Забайкалье превалирует экстрактивный подход к экономическому развитию при продолжающемся процессе пространственного сжатия, в АРВМ инновации становятся основой модернизации имеющих отраслей народного хозяйства. Причина таких различий кроется в особенностях пространственного развития двух стран – в длительном инерционном процессе пространственного сжатия в России и активного включения северо-западных и северо-восточных регионов в систему разделения труда в Китае. На сегодняшний день в Забайкалье процесс формирования «точек роста» только начался, в связи с чем исследование опыта инновационного развития приграничного региона КНР представляется в высшей степени актуальным.

Ключевые слова: НИОКР, центр-периферийная модель, инновационное развитие, периферийные регионы, пространственное сжатие, наука.

* **Для цитирования:** Ананьина Д. А. Пределы экстрактивной модели: сравнительный анализ траекторий развития российской и китайской периферии // Век глобализации. 2026. № 1. С. 96–105. DOI: 10.30884/vglob/2026.01.09.

For citation: Ananyina D. A. The Limits of the Extractive Model: A Comparative Analysis of the Development Trajectories of the Russian and Chinese Periphery // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2026. No. 1. Pp. 96–105. DOI: 10.30884/vglob/2026.01.09 (in Russian).

** Ананьина Дарья Александровна – к. филос. н., доцент Забайкальского государственного университета. E-mail: ananina_1989@mail.ru.

Darya A. Ananyina – Ph.D., Associate Professor of Transbaikal State University. E-mail: ananina_1989@mail.ru.

THE LIMITS OF THE EXTRACTIVE MODEL: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT TRAJECTORIES OF THE RUSSIAN AND CHINESE PERIPHERY

The article addresses the issue of disproportionate development of peripheral regions in Russia and China, using the Trans-Baikal Territory and the Inner Mongolia Autonomous Region (IMAR) as examples. Models of spatial development in non-central regions of both countries are analyzed. The indicators used were scientific and innovative activity, the level of investment in R&D, and the effectiveness of R&D in both regions. The Trans-Baikal Territory and the IMR share a long land border and similar natural and climatic conditions, but a comparative analysis of innovation activity reveals significant differences. In Transbaikalia, an extractive approach to economic development prevails amid ongoing spatial contraction, while in the ARVM, innovation is becoming the basis for the modernization of existing sectors of the national economy. In our opinion, the reason for these differences lies in the peculiarities of the spatial development of the two countries: the long-term inertial process of spatial contraction in Russia and the active inclusion of the northwestern and northeastern regions in the division of labor system in China. Today, the process of forming "growth points" has only just begun in Transbaikalia, which is why studying the experience of innovative development in the border region of the PRC is extremely relevant.

Keywords: Research and Development (R&D), center-peripheral model, innovative development, Peripheral regions, Spatial compression, science.

Периферия в эпоху глобальных трансформаций

Глобальные трансформации миропорядка и экономики с особой остротой обнажают проблему устойчивого развития периферийных территорий. Для России этот вызов усугубляется исторически сложившимся непропорциональным распределением научных центров, выступающих ядром технологических изменений. В современных условиях, когда именно инновации становятся ключевым фактором конкурентоспособности, низкий уровень инновационного развития периферийных регионов напрямую ведет к их пространственной маргинализации (оттоку населения, экономической стагнации). Актуальность представленного анализа заключается в том, чтобы рассмотреть эту взаимосвязь на примере двух приграничных регионов. Пространственный диспаритет здесь проявляется не только в удаленности от столиц, но и в радикально отличных траекториях развития, которые демонстрируют Забайкальский край и автономный район Внутренняя Монголия (далее АРВМ), обладающие схожими факторами так называемой «первой природы». Инерционное пространственное сжатие Забайкалья, которое понимается нами как комплексный процесс, проявляющийся в трех основных аспектах: 1) демографическом (устойчивый миграционный отток и естественная убыль населения); 2) экономическом (сокращение диверсифицированного экономического потенциала и усиление роли сырьевого сектора); 3) научно-инновационном (свертывание научного потенциала и сокращение инновационной деятельности), а также стремительная модернизация АРВМ стали следствием двух различных подходов к управлению периферией, где уровень инновационного развития выступил одновременно причиной и следствием их пространственного положения. В этой ситуации рас-

смотрение эффективных практик и конкретных кейсов инновационного развития КНР, предполагая возможность экстраполяции некоторых из них в практику социально-экономического развития приграничных российских регионов, представляет немалую научную и практическую значимость, в связи с чем целью статьи является сравнительный анализ моделей пространственного развития Забайкалья и АРВМ через призму их инновационного потенциала. Такой ракурс позволяет не просто констатировать различия, а вскрыть системные и институциональные причины, по которым схожие периферийные территории в России и Китае демонстрируют противоположные векторы развития, и наметить контуры возможной адаптации релевантного опыта.

Методологические рамки анализа: от экстракции к инклюзии

Проблема развития периферийных территорий в системе национальных экономик находит отражение в фундаментальной дилемме: является ли периферия ресурсным донором или потенциальным полюсом роста? Ответ на этот вопрос расколол теоретическое поле на два противостоящих лагеря, предлагающих принципиально разные оптики для анализа. С одной стороны, доминирует экстрактивный подход, рассматривающий периферию как пассивную ресурсную базу для развития центра. Эту логику описывают классические модели И. Тюнена и А. Лёша, где экономическое пространство структурируется исключительно вокруг доминирующего ядра [Тюнен 1926; Losch 1978]. Теория «центр-периферия» Дж. Фридмана резюмирует, что такая система стремится к воспроизводству иерархии, а не к ее преодолению [Friedmann 1966]. С другой стороны, в XX в. сформировалась инклюзивная парадигма, апеллирующая к идее «диффузии инноваций» [Hägerstrand 1968], «полюсов роста» [Perroux 1961] и эффекту «жерла вулкана» [Giersch 1979]. Ее привлекательность состоит в потенциальности «естественного» распространения прогресса из центра на окраины. Однако, как показывают исследования на российском материале, в условиях резких территориальных диспропорций эта диффузия зачастую дает обратный эффект: вместо распространения инноваций происходит усиление оттока человеческого и финансового капитала из периферии, что лишь усугубляет ее маргинализацию [Суворова 2019]. Анализ факторов «второй природы» (инновационный потенциал, человеческий капитал) демонстрирует их крайнюю неравномерность, что ставит под сомнение универсальность данных моделей и их применимость для российской периферии [Мананков 2012]. Наиболее современные версии инклюзивного подхода – концепции кластеров [Портер 2025] и «умной специализации» [Foray *et al.* 2009] предлагают перейти от пассивного ожидания диффузии к выявлению и активации эндогенных преимуществ регионов. Предполагается, что этот механизм способен включить периферию в макрорегиональную систему разделения труда. Однако при анализе российской практики здесь также обнаруживаются институциональные барьеры, потому как декларативное встраивание принципов «умной специализации» в стратегическое планирование пока не привело к их действительной имплементации [Kalyuzhnova, Violin 2020; Антипин и др. 2023]. Таким образом, ни экстрактивная, ни инклюзивная модель в их классическом виде не предлагают готовых решений для российских реалий. В этой ситуации наиболее продуктивной анали-

тической призмой нам видится не выбор одной из моделей, а рассмотрение их как двух полюсов единого континуума. Дихотомия «экстракция – инклюзия» позволяет выйти за узкие рамки экономической статистики и сфокусироваться на системных и институциональных различиях в подходах России и Китая к управлению своими периферийными регионами. В рамках сравнительного анализа уточнение и операционализация ключевых понятий были проведены следующим образом. В частности, инновационная активность оценивалась через комплекс показателей: доля организаций, осуществлявших технологические инновации; объем отгрузки инновационных товаров, работ, услуг; затраты на технологические инновации. Эффективность НИОКР оценивалась косвенно, через динамику затрат на исследования и разработки в сопоставлении с динамикой отгрузки инновационной продукции, а также через структуру расходов на НИОКР (фундаментальные, прикладные исследования, экспериментальные разработки). Именно этот ракурс, как представляется, позволяет вскрыть глубинные причины радикально расходящихся траекторий развития Забайкалья и АРВМ.

Институциональные ловушки пространственного сжатия в Забайкалье

Забайкальский край представляет собой модель пространственного развития, в которой инерция экстрактивной экономики блокирует переход к инновационной модели. Забайкалье, как и многие восточные территории России, сталкивается не просто с временными трудностями, а с системным кризисом, усугубляемым тем, что было названо Д. Нортон «path dependence», а А. Аузаном «эффектом колеи» [Норт 1997; Аузан 2017]. Принятая в 2019 г. Стратегия пространственного развития РФ сделала ставку на агломерационный эффект [Бухвальд, Виленский 2020; Кузнецова 2019]. На практике это обернулось для дальневосточных регионов риском еще большего «пространственного сжатия» экономической периферии, поддержка которой, по мнению ряда ученых, носит характер «паллиативной помощи» [Веприкова, Кисленок 2023]. Результатом стало стремительное сокращение не только населения (за 2022 г. край потерял более 8 тыс. человек: естественная убыль 2619 человек и миграционный отток 5472 человек) [Забайкальский... 2023: 6], но и самого инновационного потенциала. Вклад инновационной научной деятельности в экономику региона, и так весьма скромный, имеет тенденцию к сокращению (Табл. 1).

Таблица 1

Обороты организаций по указанным видам экономической деятельности

Год	Обороты по видам экономической деятельности (млн рублей): «Деятельность профессиональная, научная и техническая»	Соотношение к общему обороту организаций (%)
2019	17896,3	3,37 %
2020	16998,6	2,93 %
2021	9225,8	1,41 %
2022	11539,8	1,52 %

Источник: Число... 2023.

Среди факторов, препятствующих переходу экономики Забайкалья на инновационные рельсы, еще в начале второго десятилетия XXI в. отмечались невысокий уровень спроса реального сектора экономики на научные исследования и разработки, слабая кооперация и взаимодействие; низкий эндогенный потенциал разработки инноваций, отсутствие механизма коммерциализации научно-исследовательских разработок и др. [Стратегия... 2011]. Ярким примером разрыва кооперационных связей служит судьба региональной Инвестиционной стратегии до 2020 г., принятой в 2011 г. Несмотря на декларируемые цели модернизации, она не привела к каким-либо заметным изменениям в модели экономического развития этой российской территории, что свидетельствует о системном характере институциональных ловушек. Сжатие научной и инновационной сферы носило не только количественный, но и качественный характер. Так, сокращение кадрового потенциала выражается не только в общей цифре (падение численности исследователей на 9,68 % за 2019–2021 гг.) [Регионы... 2022], но и в структурной деградации. Обескровливание материально-технической базы науки иллюстрирует динамика затрат на технологические инновации, которые за период с 2018 по 2022 г. сократились в 3,7 раза – с 1,1 млрд рублей до 294 млн рублей, а их доля в общем объеме отгруженных товаров упала до 0,1 % [Число... 2023].

В отличие от АРВМ, где инновационный каркас формируют три крупных городских центра (Баотоу, Хух-Хото, Ухай), в Забайкальском крае процесс формирования «точек роста» носит декларативный и несистемный характер. Анализ Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края до 2035 г. показывает, что перечень конкретных, финансируемых инновационных проектов и инфраструктурных объектов в документе отсутствует, а заявленные «центры компетенций» не имеют четких механизмов реализации и источников финансирования. Это наглядно демонстрирует, что новый федеральный программный документ «Стратегия пространственного развития РФ до 2030 года», актуализировавший значимость Забайкалья как «восточных ворот» России, задает верный вектор, но не содержит инструментов преодоления накопленных институциональных дисфункций.

Таким образом, фундаментальные барьеры для инновационного развития Забайкалья – хронически низкий спрос бизнеса на НИОКР, разорванность кооперационных связей и неразвитость механизмов коммерциализации – являются не случайным набором проблем, а закономерным следствием доминирования экстрактивной центрo-периферийной модели. Эта модель имеет четкие институциональные основания. Во-первых, структура экономики остается запертой в сырьевой модели, где добывающая промышленность сохраняет преобладающую долю в ВРП [Стратегия... 2023]. Во-вторых, происходит системное обескровливание научной сферы: численность исследователей за последние годы сократилась почти на 10 % [Регионы... 2022], а в региональном бюджете статья расходов на науку и вовсе отсутствует [Парфенова и др. 2022]. В этой связи обращение к успешному опыту АРВМ по целенаправленной модернизации экономики через инновации представляется не просто уместным, а необходимым для поиска конкретных механизмов выхода из институциональной ловушки.

Китайский опыт: государственная стратегия инновационной модернизации АРВМ

Китай демонстрирует принципиально иной подход к развитию своей периферии, где инновации являются не следствием, а инструментом преодоления пространственного неравенства, на что в числе прочего указывает О. Николайчук [2020: 102]. Если в России диспропорции часто воспринимаются как данность, то китайская власть и научное сообщество активно конструируют механизмы «пере-прошивки» пространства через концепции «линий» развития («Хэйхэ – Тэнчун», «Бо-Тай»), нацеленные на инновационную интеграцию запада и востока страны [Мажинский 2023; Чуанлинь Фань 2021]. Ответом на вызовы периферийности для АРВМ стала не паллиативная поддержка, а система целенаправленных действий, встроенная в общегосударственные стратегии, опирающиеся на принятые в Китае государственные программы развития талантов [Основные... 2010б], реформы системы образования [Основные... 2010а], план развития науки и техники [Основные... 2006], а также план КНР по развитию производственного сектора «Сделано в Китае 2025» [Уведомление... 2021], ключевой задачей которого определяется всемерная поддержка развития инноваций, играющих ключевую роль в процессе перехода КНР от экстенсивной модели развития к интенсивной [Отчет... 2021]. Результаты 12-й и 13-й пятилеток (с 2011 по 2020 г.) продемонстрировали, что недостаточный научно-технологический потенциал является узким местом, сдерживающим построение новой модели развития. В этой связи 14-я пятилетка определяет инновационное развитие в качестве стратегической цели до 2025 г., нацеливает на преодоление технологического отставания АРВМ от передовых регионов страны [План... 2021].

Успех этой системы определяется тремя взаимосвязанными принципами. Во-первых, это прагматичная концентрация ресурсов. В отличие от Забайкалья, где наука финансируется по остаточному принципу, в АРВМ в 2022 г. на НИОКР было направлено 20,95 млрд юаней, причем ключевой особенностью является не столько объем, сколько структура инвестиций: 88,1 % средств направляется в экспериментальные разработки, что демонстрирует жесткую нацеленность на внедрение в реальный сектор (Табл. 2).

Таблица 2

Распределение в АРВМ расходов на НИОКР по направлениям исследований

Направления исследований	Расходы на НИОКР	Динамика (год к году)	Доля расходов (%)
Фундаментальные исследования	810 млн юаней	+ 48,8 %	3,9 %
Экспериментальные разработки	18,47 млрд юаней	+ 11,1 %	88,1 %
Прикладные исследования	1,68 млрд юаней	– 9,3 %	8,0 %

Источник: [Статистический... 2023].

Во-вторых, имеет место лидирующая роль бизнеса как драйвера инноваций. Основным инвестором НИОКР в АРВМ выступают предприятия (87 % финансирования), что кардинально отличается от Забайкалья, где кооперация науки и про-

изводства минимальна [Статистический... 2023]. Это свидетельствует о сформировавшемся рыночном спросе на инновации, который в китайском случае целенаправленно стимулируется государством. Наконец, важнейшим элементом является таргетированная поддержка «точек роста». Инвестиции концентрируются в перспективных отраслях, таких как обрабатывающая промышленность и высокие технологии, и локализуются в городских кластерах. Три города – Баотоу, Хух-Хото и Ухай – формируют инновационный каркас региона, демонстрируя интенсивность затрат на НИОКР, существенно превышающую среднерегиональный уровень (до 2,07 % против 0,9 %) [Отчет... 2021].

Таким образом, китайский опыт в АРВМ предлагает не просто большее финансирование, а иную логику управления периферией. Это переход от экстрактивной модели к стратегии управляемой инновационной модернизации, где государство задает четкие ориентиры («умная специализация» на «зеленых» технологиях, редкоземельных металлах, АПК), бизнес выступает главным исполнителем и инвестором, а ресурсы концентрируются на прорывных направлениях. Именно этот системный характер преобразований, а не отдельные успехи, представляет главный интерес для поиска альтернатив пространственному развитию не только Забайкалья, но и всего российского Дальнего Востока.

Контуры новой парадигмы для российской периферии

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать системный вывод: радикальные различия в развитии Забайкалья и АРВМ коренятся не в ресурсном потенциале или географическом положении, а в качественно разных парадигмах политики пространственного развития. Если Китай последовательно трансформирует свою периферию в узлы инновационного роста через стратегию управляемой модернизации, то Россия продолжает управлять восточными регионами по инерционной, экстрактивной логике, что закономерно ведет к их устойчивой маргинализации. Выявленная глубина отставания в инновационном развитии Забайкальского края от приграничного АРВМ имеет, на наш взгляд, системную природу и связана прежде всего с институциональными дисфункциями. За 30-летний постсоветский период наблюдается сжатие региональной науки ввиду острой нехватки финансирования и вымывания кадров. Декларирование необходимости включения крупного регионального бизнеса в софинансирование науки происходит регулярно, однако институционального оформления этого процесса так и не произошло. Более того, в программных документах развития региона (Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края до 2035 г.) науке уделяется несправедливо малое внимание, сводимое к декларированию желаемых целей, без обозначения ключевых показателей и индикаторов, а главное, без конкретизации мер поддержки. Также следует отметить отсутствие преемственности и системности в процессе разработки и принятия самих программных документов. Стратегия инновационного развития, принятая в 2011 г., закончила свое действие еще в 2020 г., но при этом новой Стратегии, содержащей рефлексию предыдущей, так и не было разработано.

АРВМ, еще в недавнем прошлом представлявший собой один из беднейших и отсталых регионов Китая, сегодня является площадкой для размещения высоко-

технологичных производств. Среди некоторых таких объектов следует упомянуть крупнейший ЦОД (Центр обработки данных) в г. Хух-Хото, научно-исследовательскую и инновационную производственную базу молочной промышленности Yili Health Valley. Также в регионе активно ведутся разработка и внедрение альтернативных источников энергии, технологий, способствующих переходу к зеленой энергетике, экологичным способам добычи и переработки сырьевых ресурсов. Технологический прорыв, совершенный АРВМ за первые десятилетия XXI в. с момента его включения в государственные программы модернизации западных и северо-восточных провинций КНР, стал возможным во многом благодаря последовательной и целенаправленной политике КПК и Правительства АРВМ по развитию опорных отраслей региона и эффективному использованию его экономико-географического положения. В России принятая на федеральном уровне Стратегия до 2030 г., обозначившая Забайкалье в качестве геостратегической территории, вместе с тем констатировала невозможность самостоятельного преодоления последствий сжатия научной сферы в регионе и обозначила необходимость в наращивании обширных сетей межрегиональных связей с целью компенсации имеющихся кадровых и компетентностных пробелов, в связи с чем указанный программный документ должен быть подкреплён действенными механизмами преодоления накопленных институциональных дисфункций: хронического недофинансирования науки, разрыва связей между исследователями и производством, а также отсутствия стимулов для частных инвестиций в исследования и разработки. В этой связи особую актуальность приобретает использование трансграничного положения не только для товарного, но и для технологического обмена. Опыт АРВМ в создании интеллектуальных транспортных систем и «зеленой» логистики представляет прямой практический интерес для модернизации приграничной инфраструктуры, что особенно важно в условиях кратного роста грузопотока на российско-китайских пунктах пропуска. Активная позиция правительства АРВМ, нацеленная на научно-техническое сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс – один путь», открывает для этого конкретные возможности.

Таким образом, в контексте глобальных трансформаций экономический потенциал периферийных регионов определяется не столько их сырьевыми ресурсами, сколько способностью к инновационной интеграции. Проведенный компаративный анализ позволяет утверждать, что дальнейшее следование инерционному сценарию развития для отдаленных восточных регионов РФ сопряжено с риском консервации периферийного статуса в системе как национального, так и глобального разделения труда. Полученные результаты дополняют теорию «центр – периферия» применительно к условиям глобальных трансформаций и предлагают практические ориентиры для преодоления сырьевой зависимости восточных регионов России через рецепцию релевантного китайского опыта. В этом свете анализ инновационной модернизации соседних территорий КНР, таких как АРВМ, представляется одним из потенциальных направлений для поиска стратегических решений, направленных на преодоление рисков пространственной и экономической маргинализации как для Забайкалья, так и для всего российского Дальнего Востока.

Литература

- Антипин И. А., Власова Н. Ю., Иванова О. Ю. Стратегическое планирование регионов РФ: вопросы пространственного развития // *Управленец*. 2023. Т. 14. № 6. С. 50–62.
- Аузан А. А. Развитие и «колея» зависимости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 10. С. 96–105.
- Бухвальд Е. М., Виленский А. В. Новая пространственная стратегия для России. М. : Ин-т экономики РАН, 2020.
- Веприкова Е. Б., Кисленок А. А. Пространственное развитие Дальневосточного макрорегиона: роль городов // *Власть и управление на Востоке России*. 2023. № 3(104). С. 32–46.
- Забайкальский край в цифрах. Чита : Забайкалкрайстат, 2023.
- Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития РФ: иллюзия решений и реальность проблем // *Пространственная экономика*. 2019. № 4(15). С. 107–125.
- Мажинский С. В. «Линия Ху Хуаньюна» и проблема диспропорции территориального развития Китая // *Восток (Oriens)*. 2023. № 2. С. 131–141.
- Манаков А. Г. «Новая экономическая география» и оценка ее применимости в России // *Вестник Пермского государственного университета*. 2012. № 1. С. 84–90.
- Николайчук О. А., Бондаренко Н. О. Россия в выборе пути экономического развития // *Век глобализации*. 2020. № 2. С. 95–103.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Основные положения государственного плана средне- и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006–2020 гг. 2006 [Электронный ресурс] (на кит. яз.). URL: http://www.gov.cn/jrzg/2006-02/09/content_183787.htm (дата обращения: 29.10.2025).
- Основные положения государственной программы реформы системы образования» (2010–2020 гг.). 2010а [Электронный ресурс] (на кит. яз.). URL: http://www.gov.cn/jrzg/2010-07/29/content_1667143.htm (дата обращения: 29.10.2025).
- Основные положения государственной средне- и долгосрочной программы развития талантов (2010–2020 гг.). 2010б [Электронный ресурс] (на кит. яз.). URL: http://www.gov.cn/jrzg/2010-06/06/content_1621777.htm (дата обращения: 29.10.2025).
- Отчет о работе правительства АРВМ в 2021 г. 2021 [Электронный ресурс] (на кит. яз.). URL: http://www.nmg.xinhuanet.com/xwzx/ttxw/2021-02/01/c_1127049726.htm (дата обращения: 30.10.2025).
- Парфенова Н. А., Элякова И. Д., Пахомов А. А. Исследование динамики доходов и расходов бюджета Забайкальского края // *Экономика и предпринимательство*. 2022. № 10. С. 434–438.
- План социально-экономического развития Внутренней Монголии на 14-ю пятилетку до 2025 г. 2021 [Электронный ресурс] (на кит. яз.). URL: http://www.nmg.gov.cn/zwgk/zfxxgk/zfxxgkml/202102/t20210210_887052.html (дата обращения: 30.10.2025).
- Портер М. Конкуренция. М. : Вильямс, 2005.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: P32: стат. сборник. М. : Росстат, 2022.

Статистический бюллетень инвестиций в финансирование науки и технологий АРВМ в 2022 году. 2023 [Электронный ресурс] (на кит. яз.). URL: https://www.nmg.gov.cn/tjsj/sjfb/tjsj/tjgb/202310/t2023_1009_2390056.html (дата обращения: 29.10.2025).

Стратегия инновационного развития Забайкальского края на период до 2020 года. 2011. 28 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-1955962-pall.html> (дата обращения: 12.10.2025).

Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края до 2035 года. 2023. 2 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406697260> (дата обращения: 12.10.2025).

Суворова А. В. Развитие полюсов роста в РФ: прямые и обратные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 6(12). С. 110–128.

Тюнел И. Изолированное государство. М. : Экономическая жизнь, 1926.

Уведомление Госсовета КНР по вопросу о [плане] «Сделано в Китае 2025». 2015 [Электронный ресурс] (на кит. яз.). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 29.10.2025).

Число организаций, выполнявших исследования и разработки в 2012–2022 годах. Чита : Забайкалкрайстат, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1_Число%20организаций,%20выполнявших%20научные%20исследования%20и%20разработки.pdf.

Чуанлинь Фань. Линия Бо-Тай: формирование концепции сбалансированной линии регионального развития и основы национального развития // Журнал географических наук. 2021. № 31. С. 131–141.

Foray D., David P. A., Hall B. Smart Specialization: The Concept // Knowledge for Growth: Prospects for Science, Technology, and Innovation: Selected papers from Research Commissioner Janez Potočnik's Expert Group. N. p. : Publications Office of the European Union, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/invest-in-research/pdf/download_en/selected_papers_en.pdf (дата обращения: 21.10.2025).

Freidmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge, MA : MIT Press, 1966.

Giersch H. Aspects of Growth Structural Change and Employment A. Schumpeterian Perspective // Review of World Economics. 1979. Vol. 4. No. 115. Pp. 629–652.

Hägerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago : University of Chicago Press, 1968.

Kalyuzhnova N. Y., Violin, S. I. Smart Specialization of Russian Regions: Prospects and Limitations // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2020. Vol. 10. No. 10. Pp. 37–61.

Losch A. The Economics of Location. 7th ed. New Haven; London : Yale University Press, 1978.

Perroux F. L'économie du XXème siècle. Paris : Presses Universitaires de France, 1961.